

Алексей Тепляков

Динамика государственного террора в СССР в 1933 году.

Новые данные

Статья посвящена критическому разбору устоявшейся в литературе, но сильно заниженной статистике расстрелов за 1933 г. На основе архивных материалов ФСБ обосновывается мнение о том, что сведения о терроре в 1933 г. нуждаются в полном пересмотре, поскольку только в первой половине этого года во внесудебном порядке чекистами было расстреляно не менее 10 тыс. чел.

В советскую историю 1933 г. вошёл в качестве значимой вехи, ознаменовавшись крупной вспышкой государственного террора, которая до сих пор мало изучена. Пока историками репрессий обращено серьёзное внимание на имевшие трагические последствия массовые насильственные переселения в ходе чисток городов, а также сельской местности и приграничных районов от «социально вредного» и «чуждого» элемента при осуществлении паспортизации населения, пик которых пришёлся на первую половину 1933 г. [Красильников, 2003. С. 94–107; 1933 г. Назинская трагедия... 2002; Werth, 2007]. Однако новые архивные данные позволяют принципиальным образом скорректировать в сторону увеличения и давно известную статистику расстрельного террора в этом году.

В течение 1933–1934 годов, как указывают О. В. Хлевнюк [Хлевнюк, 2010. С. 175–182] и другие историки, отмечалось сначала резкое усиление, а затем ослабление политических репрессий и, судя по официальной статистике, значительное снижение числа расстрелянных. Но не следует преувеличивать значения известной партийно-правительственной инструкции от 8 мая 1933 г., запрещавшей самовольные аресты и ограничивавшей число заключённых лимитом в 400 тыс. чел. Хотя к июлю 1933 г. директива от 8 мая была выполнена, на деле шедший одновременно с её исполнением огромный размах арестов, приговоров к заключению в концлагерях и расстрелов означал не ослабление репрессий, а их серьёзное усиление. Поэтому майская директива реально имела ограниченное значение, поскольку сокращение количества заключённых скоро сменилось быстрым ростом их числа. Принципиально, что одновременно с подготовкой этой директивы в стране был усилен расстрельный террор, принявший особенно массовый размах в первой половине 1933 г., но выпавший из внимания исследователей.

Жестокость ОГПУ была несколько уменьшена в 1932 г., когда вслед за послаблениями в деревне (меры по сокращению произвола чиновников, уступки рыночным отношениям) и сокращением финансирования индустриализации на короткое время ослабла и репрессивная политика. В течение почти всего 1932 г. не действовали большинство региональных троек^[1], вследствие чего число осуждённых органами ОГПУ составило 142 тыс. чел., в том числе 3,9 тыс. были расстреляны. В 1931 г. одни лишь тройки на местах осудили 183 тыс., в том числе более 9 тыс. приговорили к расстрелу, в 1930 г. эта цифра составила 20, 2 тыс. чел. [Мозохин, 2006. С. 287–308]. Но последовательное уменьшение количества расстрелов органами ОГПУ произошло в конце 1932 г. После выхода закона от 7 августа 1932 г. «об охране социалистической собственности» власть усилила меры принуждения в отношении колхозников, разбегавшихся из колхозов, и единоличников, отказывавшихся засеивать прежние площади. Сталинская верхушка боролась с усиливавшейся экономической разрухой методами откровенно террористическими. И уже

с последних недель 1932 г. репрессивная деятельность ОГПУ стремительно начинает выходить на новый уровень, привычный для 1930 и 1931 гг.

Сигналом к новому пику политических репрессий стало указание Сталина, отправившего в декабре 1932 г. на места материалы зампреда ОГПУ Г. Е. Прокофьева и начальника ЭКУ ОГПУ Л. Г. Миронова о «разоблаченных контрреволюционных организациях» в Ветеринарном управлении Наркомзема СССР и Трактороцентре. Сталин предписывал: «Ввиду исключительного значения рассылаемых материалов предлагается обратить на них серьезное внимание» (см. [Папков, 1997. С. 93]).

Обвинительное заключение по делу о «контрреволюционном заговоре в сельском хозяйстве», составленное в апреле 1933 г. аппаратом ЭКУ ОГПУ, свидетельствовало, что за несколько месяцев специалисты Лубянки объединили в масштабный шпионско-диверсионно-вредительский заговор, руководимый единым «Политическим Центром», тысячи участников из основных сельскохозяйственных регионов. Наиболее мощный филиал заговора был вскрыт в системе Трактороцентра и его низовых звеньях — МТС и в колхозах, ими обслуживаемых. Согласно этому документу, для подготовки восстания, намеченного на весну 1933 г., «Политцентр» формировал повстанческие кадры в МТС, колхозах и совхозах из «кулацко-белогвардейского элемента», снабжая их оружием. Вредительской работой заговорщики рассчитывали вызвать голод в стране и острое недовольство властью на селе.

По версии следствия, «Политцентр» вступил в соглашение с Польшей о помощи восстанию деньгами и оружием в подготовительный к восстанию период, а в момент начала его — переброской через границы заранее сформированных белогвардейских и петлюровских частей и прямой вооруженной интервенцией в Правобережную Украину и БССР. Филиалы организации нашлись во всех важнейших сельскохозяйственных районах страны. К апрелю 1933 г. в этих регионах было арестовано свыше 6 тыс. «заговорщиков», в том числе в УССР — 761, БССР — 850, ЗСК — 2 115, СКК — 2 012 [2].

На местах исполнение сталинского задания о срочном искоренении «вредительства» началось немедленно. Например, в Белоруссии первые осуждения «заговорщиков» с помощью тройки полпредства (ПП) ОГПУ прошли в том же декабре 1932 г. [3] Минские чекисты во главе с Л. М. Заковским сразу отчитались о вскрытии заговора «кулацких» и «белогвардейских» элементов в системе Трактороцентра, и уже в феврале 1933 г. секретарь ЦК КП (б) Белоруссии Н. Ф. Гикало запросил у Политбюро ЦК право рассмотреть это дело на тройке с вынесением расстрельных приговоров [Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... 2003. С. 409]. Белорусское полпредство ОГПУ сразу получило от Москвы широкие права массово расстреливать «кулаков», «вредителей» и «шпионов», став одним из лидеров в репрессивной кампании 1933 г.

Население страны активно распространяло слухи о массовых казнях. В марте 1933 г., обсуждая обнародованный в «Правде» расстрельный приговор в отношении 35 специалистов Трактороцентра, обвиненных во вредительстве и доведении страны до голода, минский врач Лобач заявил: «Расстрел Наркомземовских специалистов произведен в связи с обострением общего положения в стране. На крутых поворотах Соввласть всегда расстреливает пачками». А минский инженер Полонский в разговоре отметил: «Только по одному Северному Кавказу расстреляли 600 чел. Этим самым увеличивается норма хлеба для оставшегося населения» [4].

Данные ФСБ говорят о том, что целый ряд местных органов ОГПУ в 1933 г. сфабриковал дела на многие тысячи «врагов», приговорив к расстрелу от 1 000 до более 2 000 чел. на каждое

полпредство ОГПУ. Между тем в известной статистике человеческих потерь 1933 г., отмеченных колоссально подскочившей смертностью среди заключённых лагерей, колоний и тюрем, а также ссыльных, лица, расстрелянные органами ОГПУ во внесудебном порядке (количество смертных приговоров, вынесенных по политическим делам обычными судами, не известно), занимают весьма скромное место. Это 1 824 чел., расстрелянные Коллегией ОГПУ и Особым совещанием при ней, а также 2 154 чел., осуждённые к высшей мере наказания тройками при полномочных представительствах ОГПУ [Попов, 1992. С. 28; Мозохин, 2006. С. 312–313]. На деле дефектная карательная статистика, очевидные недостатки которой мы, ещё не имея всех сегодняшних данных из ЦА ФСБ, уже критиковали [2007. С. 49–50; 2011. С. 242, 253], в разы занижает численность расстрелянных.

Обнародовавший значительный объём статистики из ЦА ФСБ О. Б. Мозохин [Мозохин, 2006. С. 246–472] не дал информации о 1 824 расстрелянных Коллегией ОГПУ в 1933 г., а, указав данные о расстрелах по местным органам ОГПУ в СССР за этот год (2 154 чел.), на деле, вслед за предшественниками, привёл сведения не о расстрелянных, а о помилованных, заимствовав их из графы «ВМСЗ с зам.[еной] ИТЛ» [5]. Таким образом, его данные вообще не имеют отношения к расстрелам 1933 г. [6]

Серьёзная проблема для исследователей заключается в том, что и статистика центрального аппарата ОГПУ не даёт сводной цифры, указывая лишь, что 1 824 чел. расстреляны Коллегией ОГПУ, а 997 и 969 чел. — полпредствами ОГПУ в третьем и четвёртом кварталах 1933 г. [7] Казалось бы, законно распространить эти очень близкие между собой цифры на первые кварталы и методом простейшей экстраполяции определить цифру расстрелянных за 1933 г. примерно в 6 тыс. чел.

Однако примеры целого ряда полпредств ОГПУ говорят о том, что масштабные цифры расстрелов первых месяцев 1933 г. значительно превосходят статистику второго полугодия. Например, с декабря 1932 г. по май 1933 г. в Белоруссии было арестовано 29 018 чел. Они проходили в основном как члены «кулацких и бандитских группировок» (2 274 группировки из 15 562 чел.), повстанческих организаций (33 организации из 2 362 чел.), диверсионно-повстанческих организаций (44 из 2 376 чел.) и шпионских организаций и резидентур (46 из 436 чел.). Большая часть арестованных приходилась на колхозно-совхозный сектор — 16 179 чел. — и прошла через тройку ОГПУ. Деятельность тройки с декабря 1932 по начало мая 1933 г. (последующие цифры нам неизвестны) характеризуется следующими данными. Было рассмотрено 3 574 дела на 13 414 чел., из них к расстрелу было приговорено 2 158 чел. [8], заключению в концлагеря — 8 617, высылке — 2 487. Условные наказания получили 127 чел., некие «прочие меры» — 5 чел., освобождено — 20 чел. [9]

Характерно, что чекисты Белоруссии, расстреляв к началу мая 1933 г. более 2 тыс. чел. и отправив в лагеря более 8,6 тыс., отнюдь не считали свою миссию по чистке Белоруссии законченной и насчитывали подлежащих репрессиям почти столько же, сколько арестовали к маю 1933 г. — 26 957 чел. Поэтому на 1 мая 1933 г. за отделами ОГПУ БССР числилось 10 168 арестованных, дела на которых находились в стадии следствия. С мая 1933 г. чекисты проводили новую массовую операцию по «деревенской контрреволюции», когда в стадии ликвидации находились дела на почти 4 тыс. чел. из «внутриколхозных группировок» (498 чел. по 9 организациям и 3 336 — по 460 группировкам) [10]. Однако сколько было казнено в БССР в мае-декабре 1933 г., пока неизвестно.

В свою очередь, сотрудники ПП ОГПУ Западно-Сибирского края немедленно после сталинского указания также обрушили на «врагов» сокрушительный удар, вполне сопоставимый с террором 1930 и 1931 гг. Чекисты только по линии секретно-политического отдела ПП ОГПУ с 1 декабря 1932 г. по 1 мая 1933 г. привлекли по ст. 58 УК 8,6 тыс. чел. [11] и смогли в первой половине 1933 г. сфабриковать два очень крупных «заговора» (белогвардейский и сельскохозяйственный), по которым к августу было расстреляно около 1 200 чел. [Папков, 1997. С. 92–97].

Резким усилением была отмечена карательная работа и в ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, где с декабря 1932 г. по середину марта 1933 г. было арестовано 8 229 чел. и тройкой при ПП ОГПУ ВСК осуждено: к расстрелу — 1 712 чел. (в том числе 55 — по закону от 7 августа 1932 г.), к заключению в концлагеря — 758, к ссылке — 158 [12]. Правда, за этот период чекисты числили только 75 исполненных смертных приговоров, две трети которых приходились на общеуголовные преступления: за хулиганство на транспорте было расстреляно 22 чел., по закону от 7 августа 1932 г. — 18, уголовный бандитизм — 10, «кулацко-белогвардейскую» деятельность — 15, вредительство — 10 [13]. Однако причина была, скорее всего, в задержке с санкциями комиссии Политбюро ЦК на расстрел тех осуждённых, основная часть которых прошла по тройке в феврале и марте. По крайней мере, только по Книге памяти жертв репрессий Красноярского края (помимо него, в тогдашний Восточно-Сибирский край входили современные Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край), за 1933 г. числится 249 реабилитированных из числа расстрелянных [Книга памяти, 2004–2011].

О стремлении быстрее отчитаться с расстрелами говорит и то, что численность приговорённых тройкой к ИТЛ к середине марта 1933 г. не достигала и половины от количества казнённых, а основная часть из 8,2 тыс. арестованных не была ещё осуждена. Репрессии в Восточно-Сибирском крае интенсивно продолжались и в последующие месяцы: к середине марта 1933 г. подследственных заключённых в крае насчитывалось 2,8 тыс. чел., к 20 апреля — 3,6 тыс., к 30 мая — 5,3 тыс. чел. [14]

Массовые операции ОГПУ в других регионах также были отмечены большой жестокостью. Сведения из архивов Службы безопасности Украины показывают, что за 1933 г. ГПУ УССР осудило 45 тыс. чел., из них 774 — к высшей мере наказания; ещё 750 чел. были приговорены к расстрелу по делам ГПУ гражданскими судами республики. Таким образом, на счету украинских чекистов — 1 524 расстрелянных [Нікольський, 2003. С. 389], значительная часть которых, прошедшая через суды, была осуждена по общеуголовным статьям.

В Казахстане в 1929—1933 гг. областные тройки полпредства ОГПУ, по неполным данным, приговорили к расстрелу 3 386 чел. и заключили в лагеря 13 151 чел. Известно, что за 1930 г. тройки расстреляли в Казахстане 1 218 чел., а в 1931 г. — 1 001 чел. [Мозохин, 2006. С. 287, 294–295; Тепляков, 2009. С. 186]. Таким образом, на 1929 г., когда расстрелов, вероятно, было относительно немного, на 1932 г. (также с небольшим числом казней) и 1933 гг. приходится минимум 1 167 расстрелянных во внесудебном порядке. Поэтому можно предположить, что в Казахстане за 1933 г. было расстреляно не менее 1 тыс. чел.

Имеется цифра расстрелянных чекистами Ленинградской области — 464 чел. за 1933 г. Известные отрывочные данные о репрессиях на Дальнем Востоке говорят, например, что только по делу «Трудовой крестьянской партии» чекисты расстреляли 84 чел., а по делу казачьей организации «Амурцы» — 56 чел. [Тепляков, 2008. С. 344]. Фрагментарные данные, известные по Ставропольскому краю, говорят о том, что из арестованных в декабре 1932 — январе 1933 г. были осуждены тройкой к расстрелу 53 чел. из 362, или каждый седьмой [Жертвы, 2007].

Высокой карательной активностью в начале 1930-х гг. отличались полпредства по Северо-Кавказскому краю (51 тыс. арестованных в 1933 г.), Средней Азии (32 тыс. арестованных)^[15], Уральской и Центрально-Чернозёмной областям. В литературе есть общие указания, что именно в 1933 г. террор в Азербайджанской ССР «достиг своего пика» [Баберовски, 2010. С. 689].

Поскольку карательные кампании в целом ряде крупных регионов дают сходные масштабы репрессированных (порядка 1–2 тыс. расстрелянных из 20–50 тыс. арестованных на полпредство), это, возможно, свидетельствует о получении местными чекистами соответствующих лимитов у руководства союзного ОГПУ, предварительно санкционированных Кремлём.

Таким образом, известные и в ряде случаев далёкие от полноты данные по Белоруссии, Украине, Ленинградской области, Казахстану, Западно-Сибирскому, Восточно-Сибирскому и Дальне-Восточному краям уже дают до 7,5 тыс. осуждённых тройками к расстрелу. Прибавив уничтоженных решениями Коллегии ОГПУ и Особого Совещания, а также расстрелянных во 2-м полугодии на местах, получим около 12 тыс. жертв. Поскольку неучтёнными остаются еще полтора десятка полномочных представительств, то даже минимально возможная численность убитых чекистами составит, скорее всего, 14–15 тыс. чел., не считая осуждённых по ст. 58 УК гражданскими судами и умерших в тюрьмах во время следствия. Но не исключено (если цифры, достигнутые в Сибири и Белоруссии, будут продемонстрированы для первого полугодия 1933 г. ещё в трёх-четырёх полпредствах ОГПУ, а в оставшихся окажутся в среднем на уровне 100–200 чел. для каждого регионального чекистского органа), что общее число расстрелянных во внесудебном порядке по СССР в 1933 г. превысит 20 тыс. чел. и окажется выше, чем даже в 1930 г. Разумеется, цифра казнённых в 1933 г. будет ещё уточняться, но, как представляется, уже на данном этапе изучения можно считать доказанной ошибочность сведений, публиковавшихся с начала 1990-х гг.

[1] Некоторые из них работали, причём с немалым размахом. Так, судебная тройка ПП ОГПУ по Дальне-Восточному краю только по делам Особого отдела осудила с января по ноябрь 1932 г. 3 311 чел., в том числе приговорив 536 чел. к расстрелу — преимущественно по ст. 58 УК. (РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 26. Л. 455).

[2] ГДА СБ України. Ф. 13. Спр. 131. Арк. 1–144
// www.ssu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=80407&cat_id=80404

[3] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 657. Л. 4, 6.

[4] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 675. Л. 59.

[5] ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Д. 57. Л. 44–60 (за указание на данные сведения благодарим С.П. Сигачёва).

[6] Остальная часть статистики О. Б. Мозохина также сомнительна. Суммирование численности расстрелянных (а на деле — помилованных) по регионам даёт на 1 тыс. чел. меньше, чем указано в итоговой графе. Характерно, что в небрежно составленных таблицах он приводит для тройки ПП ОГПУ БССР нереальные цифры — 579 осуждённых к заключению в ИТЛ за 1933 г., хотя, скорее всего, вся эта категория в таблице проходит в графе с маловразумительным названием «Ссылка и осуждены» и отражает только данные по БССР — 12 461 чел. и т. д. [Мозохин, 2006. С. 312–313].

[7] ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Д. 58. Л. 328, 354 (указано С.П. Сигачёвым). Массовые расстрелы тройками во втором полугодии 1933 г. были произведены, несмотря на постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 10 мая 1933 г., запретившего тройкам на местах (кроме ДВК) выносить приговоры к ВМН. См.: [Лубянка. 2003. С. 435].

[8] Судя по известным данным, в 1932 г. белорусские чекисты расстреляли 28 чел., в том числе 18 — за декабрь. См.: [Мозохин, 2006. С. 303]; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 657. Л. 7, 11.

[9] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 657. Л. 7.

[10] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 657. Л. 12, 14.

[11] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 766. Л. 27.

[12] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 711. Л. 2; Д. 708. Л. 2–4.

[13] ЦА ФСБ, Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 2.

[14] ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 712. Л. 15, 17, 70.

[15] Политбюро ЦК ВКП (б) 23 апреля 1933 г. разрешило осуждать к ВМН тройке в Средней Азии. *Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД...* М., 2003. С. 428.

Список литературы

Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010.

Жертвы политического террора в СССР. 3-е изд. М., 2007 (CD).

Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края.

Кн. 1–10. Красноярск, 2004–2011.

Красильников С. А. Серп и Молох. М., 2003.

Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003.

Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2006.

Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997.

Попов В. П. Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 20–32.

Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М., 2008.

Тепляков А. Г. Опричники Сталина. М., 2009.

Тепляков А. Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920 — 1930-х годах. М., 2007.

Тепляков А. Эпоха репрессий: субъекты и объекты // Исторические исследования в России-3. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011. С. 224–254.

1933 г. Назинская трагедия. Документальное научное издание. Сост. С. А. Красильников. Томск, 2002.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Нікольський В. М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х — 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. — Донецьк, 2003.

Werth N. Cannibal Island: death in a Siberian gulag. Princeton, 2007.